

(1584). Теперь упомяну об услуге, которую Обинье оказал королю в деле Лоро⁵⁹, которое описано в главе 4-й настоящей книги. В это время король Наваррский был озабочен военными приготовлениями господина де Лансака, с одной стороны, и виконта д'Обтера — с другой, собиравших войска якобы друг против друга под предлогом ссоры. Участвовавший в этом Люссан, которому при дележе шкуры еще не убитого медведя показалось, что его обошли, явился совершенно один к охотившемуся королю Наваррскому и открыл ему, что на Ла-Рошель готовится нападение через решетку, у мельниц св. Николая. Посланный по этому делу, Обинье явился в Ла-Рошельское городское управление и потребовал, чтобы жители выбрали трех человек, которым он мог бы сообщить тайну. Жители Ла-Рошели ответили, что все они, никого не выбирая, хотят узнать ее и все они верны королю Наваррскому. Обинье ответил, что Иисус Христос, значит, сделал неудачный выбор, и, если они не хотят поступить по-другому, то он, Обинье, целует им на прощанье руки. Вынужденные таким образом выбрать трех человек, они нашли решетки перепиленными полностью, не считая двух прутьев. Но Обинье так и не смог убедить их устроить засаду злоумышленникам.

Через месяц заговорщики опять сели на коней. Обещав своему господину расстроить замыслы его врагов, наш Обинье взял нескольких гвардейцев и других солдат — всего до десятка отборных людей — и, смешавшись со всадниками заговорщиков, направился к Ла-Рошели. Ночью Обинье ехал вместе с ними, а днем держался в стороне, решив броситься ночью к воротам города, который подвергнется набегу, взять в подкрепление нескольких аркебузирова и сразиться с заговорщиками в четверти мили оттуда. Это было хорошим средством пресечь всякие попытки нападения.

Проезжая через Кадийяк, король Наваррский попросил великого Франсуа де Кандаля⁶⁰, достаточно известного под этим именем, показать ему свой великолепный кабинет. Кандаль согласился при условии, что туда не войдут невежды и насмешники. «Нет, дядюшка, — сказал король, — я привезу только тех, кто способен оценить это так же, как я». Он вошел с господином де Клерво, Дю Плесси, Сент-Альдегондом, Констаном, Пелиссоном и с Обинье; пока гости забавлялись, наблюдая, как при помощи машины шестилетний ребенок поднимает тяжелую пушку, Обинье, опередив их, остановился перед плитой из черного мрамора в семь квадратных футов, которая служила Кандалю доской для записей. Найдя все, что необходимо для записи, Обинье взял кисть и, услышав, что его спутники спорят о весе и тяжести, написал по-латыни:

*Тяжесть не эту носить, вельможа, учи государя:
Пусть он умелой рукой бремя правленья несет!*